

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.226.235>

СВЯТИЛИЩЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ АКБУЛАК II ИЗ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА¹

©2025 г. А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, К.А. Жамбулатов

Целью статьи является публикация результатов раскопок святилища позднесарматского времени в могильнике Акбулак II в Западном Казахстане. Святилище представляет собой земляную квадратную ограду с длиной сторон 19–21 м, высота валов – 0,25 м. С южной стороны находился вход-портал. В центре святилища находился грунтовый стол и фрагменты глиняных сосудов. Вероятно, это остатки культовых ритуалов и тризны. В западной части портала на глубине 1,65 м находилось погребение воина головой на северо-запад. При нем находился меч с навершием из камня, длиной около 100 см, части конской упряжи и бронзовая застёжка-фибула. На основании погребального обряда и инвентаря погребение датируется II–III вв. н.э. и относится к позднесарматской культуре. Также в статье рассматривается история изучения и мнения о назначении позднесарматских святилищ. Делается вывод, что грунтовые ограды позднесарматского времени Западного Казахстана можно трактовать как семейные либо родовые святилища соответствующих групп кочевников. Внутренние «дворики» святилищ сооружались целенаправленно для отправления погребально-поминальных ритуалов не только в честь похороненного в данном сооружении главы семьи/рода, но и похороненных родственников в соседних курганах.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, позднесарматская культура, святилище, погребальный обряд, фибула.

LATE SARMATIAN AKBULAK II SANCTUARY IN WESTERN KAZAKHSTAN²

A.A. Bisembaev, A.I. Khavansky, K. A. Zhambulatov

The purpose of the article is to publish the results of excavations of the late Sarmatian period sanctuary at the Akbulak II burial ground in Western Kazakhstan. The sanctuary is an earthen square fence with a side length of 19–21 m, the height of the ramparts is 0.25 m. There was an entrance portal on the south side. In the center of the sanctuary there was a earthen table and fragments of clay vessels. Probably, these are the remains of cult rituals and funeral feasts. In the western part of the portal, at a depth of 1.65 m, there was the burial of a warrior with his head turned to the northwest. He had a sword with a pommel made of stone, about 100 cm long, horse harness details and a bronze fibula clasp. According to the burial rite and grave goods, the burial dates back to the II–III centuries AD and belongs to the late Sarmatian culture. Also this paper discusses the history of studying and opinions on the purpose of late Sarmatian sanctuaries. It is concluded that the earthen fences of the late Sarmatian period in Western Kazakhstan can be interpreted as family or ancestral sanctuaries of the corresponding groups of nomads. The inner “courtyards” of the sanctuaries were built purposefully burial and memorial rituals not only in honor of the head of the family/clan buried in this construction, but also in honor of the buried relatives in neighboring barrows.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, late Sarmatian culture, sanctuary, burial rite, fibula.

Введение. Накануне эпохи Великого переселения народов духовная и материальная культура степных скотоводов претерпевает очередную трансформацию. Появляются новые формы погребальной архитектуры, которые исследователи именуют оградами

(Мошкова, 1984, с. 196–197), «святилищами» (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 89–90) или «склепообразными курганами» (Боталов, 2009, с. 174). Геополитические последствия Великого переселения народов обуславливают актуальность исследования памятников

¹ Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993

² The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993

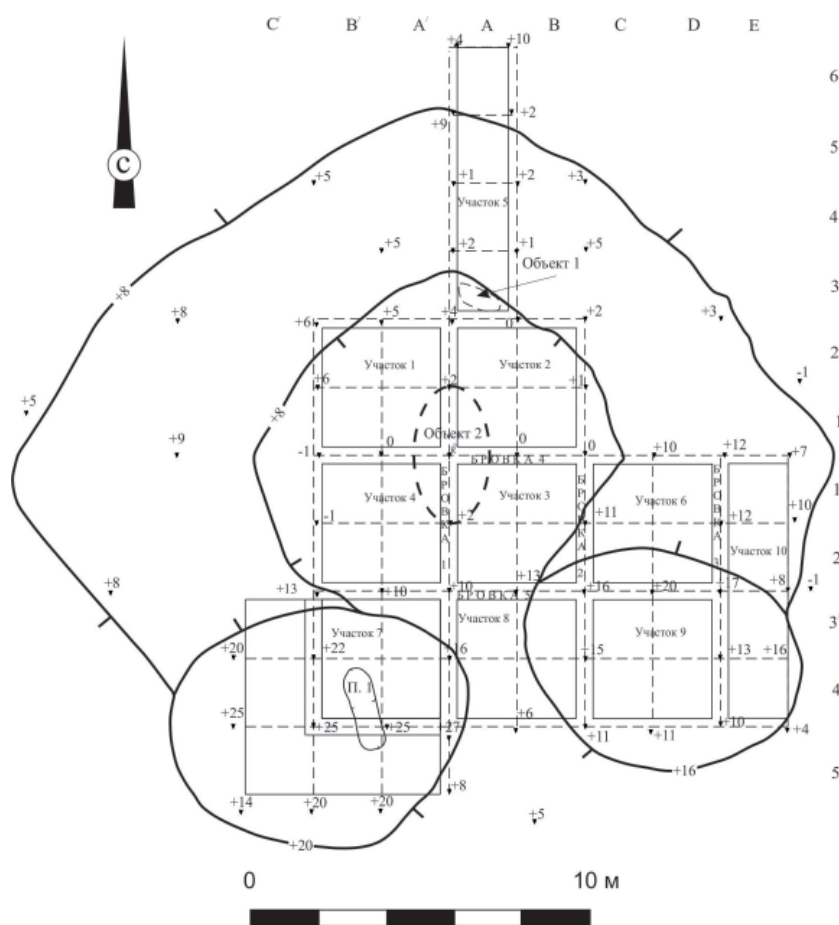

Рис. 1. Могильник Акбулак II объект 15 (святилище). План.

Fig. 1. Akbulak II burial ground object 15 (sanctuary). Plan.

этого хронологического пласта. Памятники данного периода активно изучаются в Западном Казахстане. Но большая географическая протяженность региона оставляет еще много «белых пятен» на археологической карте. Актуальные методы исследования дают возможность не просто закрыть эти «белые пятна», но и получить качественно новую информацию. Поэтому оперативная публикация новых материалов позволяет пополнить источниковую базу этого важного хронологического периода. Одно из святилищ было исследовано Актюбинской археологической экспедицией Института археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана АН РК совместно с Актюбинским историко-краеведческим музеем. Целью статьи является публикация материалов, выяснение хронологической позиции данного комплекса и его места среди памятников позднесарматской культуры Западного Казахстана.

Основная часть

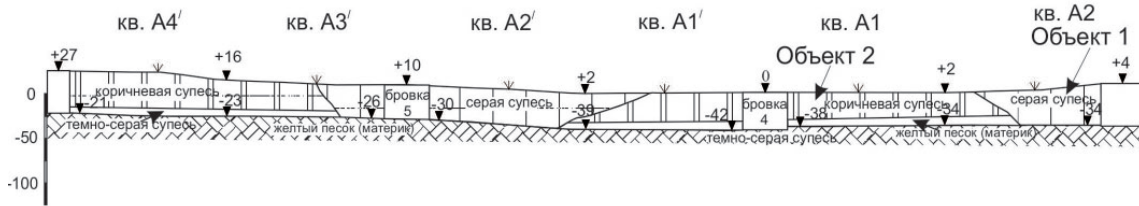
Могильник Акбулак II находится в Актюбинской области Республики Казахстан, на

правом берегу сая Акбулак (левый приток р. Уил), в 14,0 км к югу от н. п. Косембай (Kosembay). Могильник расположен на плато и состоит из 37 грунтовых сооружений.

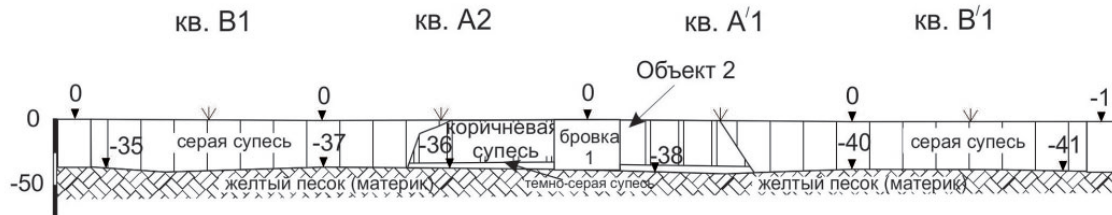
Объект 15 представляет собой квадратное грунтовое сооружение из валообразных насыпей по периметру и горизонтальной плоской площадкой в центре. Внешняя длина сооружения составляет 19–21 м при ширине насыпей 4–5 м и максимальной высоте 0,25 м (насыпи довольно расплывшиеся). Центральная площадка также квадратная с длиной сторон 9,0 м. В южной части валы оканчиваются курганообразными возвышениями диаметром 7–8 м и высотой до 0,25 м. Между возвышениями к центральной площадке идет проход шириной 2,5 м. Ориентировано сооружение 15 сторонами по промежуточным румбам, так что один из углов сооружения направлен практически строго на север, а вход в сооружение находится в южной части (рис. 1).

Сооружение 15 раскапывалось по поселенческой методике квадратами 2×2 м, которые были объединены в участки 4×4 м. Между

Бровка 1. Восточный фас.

Бровка 4. Северный фас.

Южная стенка раскопа

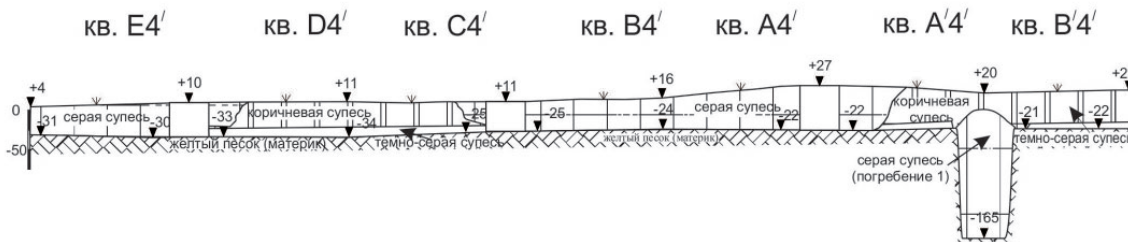

Рис. 2. Могильник Акбулак II объект 15 (святилище). Разрезы святилища.

Fig. 2. Akbulak II burial ground object 15 (sanctuary). Sanctuary sections.

участками были оставлены бровки для фиксации стратиграфических разрезов (рис. 2).

Было установлено, что при постройке сооружения 15 использован близлежащий грунт в виде коричневой супеси, который в центре был снят до материка, и им насыпаны «стены» сооружения. Под «стенами» сохранились участки погребенной почвы из темно-серой супеси. В центре площадки был выявлен остоище грунта подовальной формы, ориентированный по линии север-юг, длиной 4,0 м, шириной 2,2 м и высотой 0,5 м (объект 2) (рис. 1; 2). На данном объекте был найден венчик глиняного сосуда (рис. 5: 11). В северном углу сооружения 15 с внутренней стороны было найдено скопление фрагментов крупного глиняного сосуда (объект 1) (рис. 6).

В объекте 15 было выявлено одно погребение (рис. 3). Погребение совершено под западной насыпью в грунтовой яме. Верхний контур подовальный, размеры 2,6×0,7 м, ко дну яма приобретает прямоугольную форму

и размеры 2,2×0,7 м. Яма ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Глубина ямы составляла 1,65 м от уровня материка. В заполнении ямы найдены отдельные бронзовые бляшки и фрагменты деревянного перекрытия, перемещенные землеройными животными. На дне находился костяк взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки были вытянуты вдоль тела. Головой захороненный ориентирован на северо-северо-запад.

В районе левого локтевого сустава – сильно корродированные фрагменты железного предмета (возможно, ножа). У левой локтевой кости – уздечный набор. Он включал в себя два бронзовых кольца с бронзовыми зажимами для крепления ремней, две бронзовых лавролистных пластинки-накладки. Рядом находилось скопление полушаровидных бляшек. Некоторые бляшки были прикреплены к кожаной ленте шириной 13 мм. Прикрепление осуществлялось посредством бронзовых скобочек, припаянных к внутренней поверхности бляшек. Контекст находок заставляет

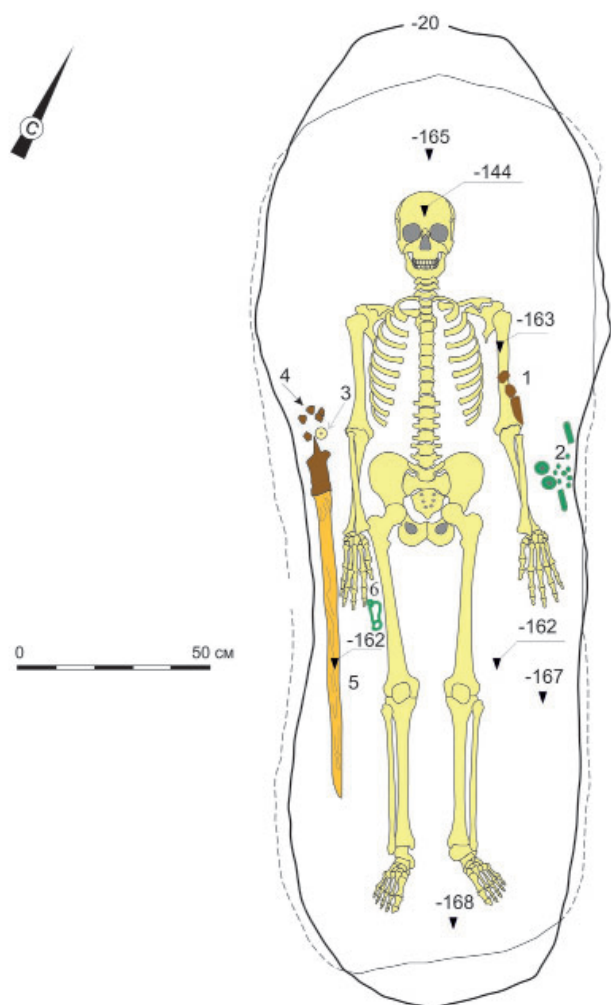

Рис. 3. Могильник Акбулак II объект 15 (святилище). План погребения. 1 – фрагменты железного предмета (нож?); 2 – бронзовый уздечный набор; 3 – навершие меча; 4 – железные накладки рукояти меча; 5 – железный меч в деревянных ножнах; 6 – бронзовая фибула.

Fig. 3. Akbulak II burial ground object 15 (sanctuary). Plan of the burial. 1 – fragments of an iron object (knife?); 2 – bronze bridle set; 3 – pommel of the sword; 4 – iron plate of the sword handle; 5 – iron sword in a wooden scabbard; 6 – bronze fibula.

предположить, что бляшки служили украшением ремней узды.

Справа от погребенного лежал железный меч. Тип меча – без перекрестья со штыревидным насадом для ручки. В районе ручки находился халцедоновый диск и несколько фрагментов железных пластин подквадратной формы. Вероятно, рукоять меча была деревянной, а железные пластины были накладками на рукоять. Меч находился в деревянных ножнах, окрашенных в красно-оранжевый цвет. У ладони правой руки находилась бронзовая фибула.

Инвентарь.

1. Уздечный набор (рис. 4):
 - бронзовые рельефные круглые бляшки (8 экз.). Выполнены в технике штамповки. Диаметр 17 мм (рис. 4: 1–8);
 - 2 бронзовых кольца диаметром 45 мм, толщиной 10 мм, диаметр внутреннего отверстия 20 мм. К кольцам прикреплены две бронзовых пластины-зажимы шириной 13 мм, толщиной 1 мм, вероятно служащие для крепления кожаных ремней (рис. 4: 9, 10);
 - бронзовые лавролистные накладки (2 экз.). Размеры 6,5×1,8×0,2 см. Прикреплялись к органической основе с помощью двух заклепок (рис. 4: 11–12);
 - заклепки из проволоки, служащие для скрепления кожаных ремней (рис. 4: 13–18).
2. Бронзовая фибула. Длина 75 мм, ширина 27 мм. Изготовлена из округлой в сечении проволоки диаметром 3 мм. Тип фибулы – лучковая с пластинчатым приемником, без орнамента (рис. 5: 1).

3. Навершие рукояти меча из камня белого цвета, вероятно халцедона. Диаметр составляет 35 мм, толщина 5 мм, внутренний диаметр 8 мм (рис. 5: 2).

4. Железный нож. Сильно корродирован и поднят в обломках. Однолезвийный. Реконструированная длина ножа составляет около 20 см, ширина 2,7 см, толщина 0,4 см. Судя по длине, мог иметь боевую функцию (рис. 5: 3).

5. Железный меч. Длина меча in situ без рукояти составляла 90 см, рукоять сохранилась частично. Вероятно, с рукоятью длина меча составляла около 100 см (рис. 5: 4).

6. Железные накладки на рукоять меча (8 экз.). Аморфной формы. 20–30×30×3 мм (рис. 5: 5–10).

В северном углу святилища найдены фрагменты гончарного сосуда хорошего обжига красно-коричневого цвета (рис. 6).

Культурно-хронологическая атрибуция. Погребальный обряд (узкая яма, положение погребенного вытянуто на спине с ориентировкой на север), инвентарь (меч без перекрестья с халцедоновым навершием, фибула, уздечный набор) свидетельствуют о принадлежности данного погребения к гунно-сарматской (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 145–159), (Боталов, 2009, с. 171–199) или позднесарматской культуре (Позднесарматская культура..., 2009, с. 91–99), (Мошкова, 2007, с. 103–111), (Жамбулатов, 2021, с.

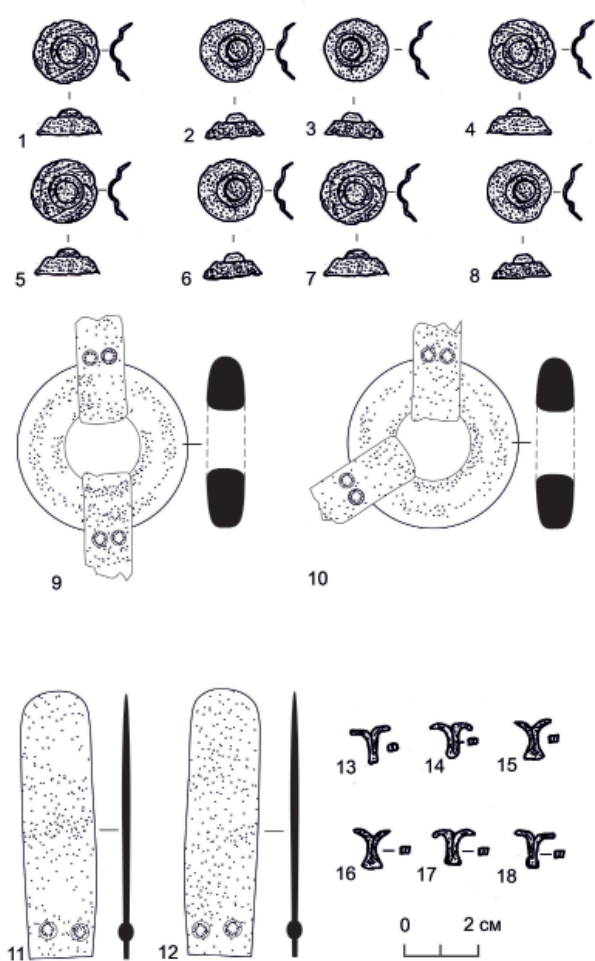

Рис. 4. Могильник Акбулак II объект 15 (святилище). Погребение. Инвентарь. 1-8 – бронзовые блишки, 9-10 – бронзовые кольца с зажимами, 11-12 – бронзовые пластины, 13-18 – бронзовые заклепки из проволоки

Fig. 4. Akbulak II burial ground object 15 (sanctuary). Burial. Inventory. 1-8 – bronze plate, 9-10 – bronze rings with clamps, 11-12 – bronze plates, 13-18 – bronze wire rivets.

216–223). Наиболее полные аналогии находятся в синхронных комплексах Западного Казахстана (мог. Целинный I, курган 6 (положение погребенного головой на север с отклонением к СЗ, меч без перекрестья с халцедоновым навершием, в ножнах красного цвета (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 99–101). И в том же могильнике в сооружении 13 (это также «святилище», погребение находится в ЮЗ части, такой же тип меча) (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 90, 102). Отдельно отметим объект 7 могильника Восточно-Курайлинский I. Хотя в данном святилище погребение обнаружено не было, однако в центре площадки был выявлен «пьедестал» из желтой глины, ориентирован-

ный по линии запад-восток (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 89).

Наиболее четкую хронологическую позицию данного комплекса дает бронзовая фибула. Фибула лучковая одночленная с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и плавно изогнутой спинкой.

По А.К. Амброзу, данная фибула относится к фибулам группы 13, тип 8. Характеризуются достаточно большими размерами и высоким узким пластинчатым приемником. Автор отмечает, что встречаются в памятниках позднесарматского круга и дальше всего заходят на восток из фибул юга СССР – до широты Магнитогорска. Датируются III – началом IV в. н. э. (Амброз, 1966, с. 46; табл. 5, с. 19–21).

В.Ю. Малашев и Л.Т. Яблонский на основе взаимовстречаемости вещей из закрытых комплексов могильника Покровка 10 выделили три хронологические группы погребений. Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и плавно изогнутой спинкой характерны для группы 1, но могут встречаться и в группе 2, т. е. их датировка может рассматриваться как 2-я пол. II – нач. III в. (Малашев, Яблонский, 2008, с. 60–62).

Согласно последним исследованиям В.В. Кропотова, данные фибулы довольно крупные (длиной 4–8 см), приемник высокий, корпус низкий, спинка может быть украшена несложным узором из зигзагообразных линий, завиток на конце приемника спиральный; пружина, как правило четырехвитковая. Данные фибулы относятся к группе 8, серия II, форма 2 (Кропотов, 2010, с. 182–183; 201–204). По мнению автора, данные фибулы датируются концом II – III в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 204).

Таким образом, согласно консенсусу исследователей, данный комплекс можно датировать 2-й половиной – концом II в. н. э. – III в. н. э.

Обсуждение результатов и выводы

Пустынные степи охватывают большую часть Западного Казахстана. На севере граничат с зоной типчаковых степей, они почти вплотную подходят к отрогам Общего Сырта, а на юге примыкают к обширным массивам Рын-песков и не менее обширным белопольным и чернопольным пустыням на бурых почвах. Южная граница пустынных степей может быть проведена от железнодорожной станции Сайхин к пескам Джаскус – Кум (севернее Урды) и отсюда извилистой лини-

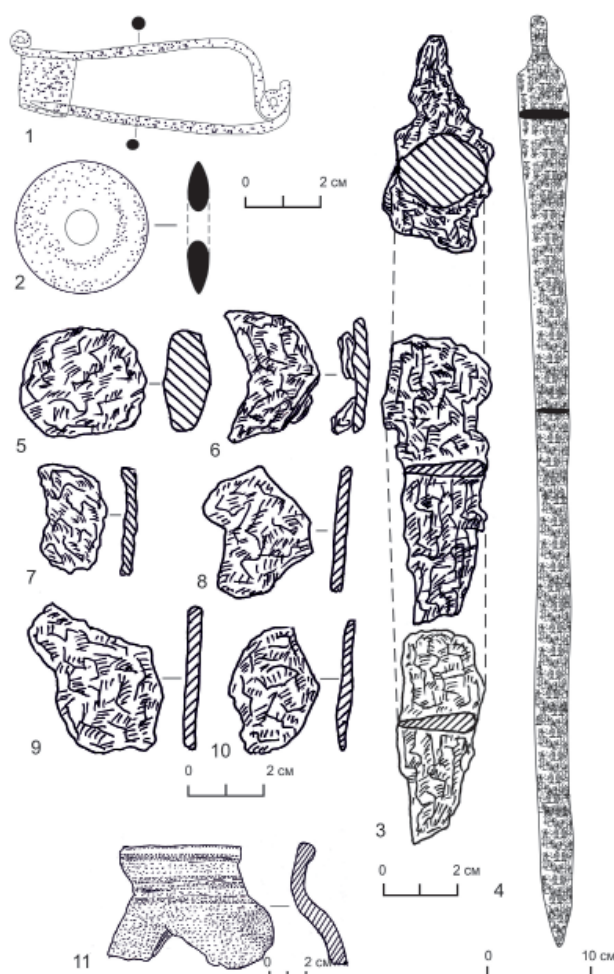

Рис. 5. Могильник Акбулак II объект 15 (святилище).

Погребение. Инвентарь. 1 – бронзовая фибула, 2 – каменный диск, 3 – железный нож, 4 – железный меч, 5-10 – железные накладки на рукоять меча, 11 – фрагмент глиняного сосуда

Fig. 5. Akbulak II burial ground object 15 (sanctuary).

Burial. Inventory. 1 – bronze fibula, 2 – stone disk, 3 – iron knife, 4 – iron sword, 5-10 – iron plates of the sword handle, 11 – fragment of a clay vessel

ей вдоль окраины песков Нарын до районов Камыш-Самарских озер и далее на Саралжин и зимовку Бис-Кудук. В Зауралье эта граница спускается к югу до Базар-Тобе, от которого направляется к оз. Итмурун-Куль и низовьям Джаксыбая, до среднего течения р. Эмбы в Западное Примугоджарье, междуречье Иргиза и Тургая. Авторам ранее приходилось анализировать влияние природно-географических аспектов на характер и расположение памятников кочевого населения в раннем железном веке и Средневековье (Бисембаев, Ахатов, 2015, с. 31–35).

Впервые культовые сооружения позднесарматской культуры выделила М.Г. Мошкова. Исследуя погребальные конструкции Лебедевского комплекса, она описала грунтовые сооружения, отличные от курганов (Мошкова, 1984). Сама она считала, что первые сооружения подобного типа выявил К.Ф. Смирнов (Смирнов, Попов, 1969). Небольшое количество исследованных на тот момент позднесарматских святилищ вряд ли позволяло провести их детальный анализ. Однако в настоящий момент, с расширением источниковой базы, можно уверенно говорить, что объекты типа сооружения «А» курганной группы «Шиханы» у с. Липовка (Смирнов, Попов, 1969) и подобные им (Моргунова, Купцов, 2018) к позднесарматской культуре не относятся. Они отличаются по конструкции: сооружения липовского типа круглые, позднесарматские – подквадратные, липовские замкнутые, позднесарматские открытые с южной стороны. Наконец, в сооружениях липовского типа в центре находится большая яма, заполненная продуктами горения, кальцинированными костями, что позволило К.Ф. Смирнову определить их как святилище огня (Смирнов, Попов, 1969, с. 210–216). Ничего подобного в позднесарматских святилищах нет, использование огня фиксируется, но не в настолько мощном виде. Кроме того, большинство сооружений липовского типа не содержало датирующих вещей. Последние исследования сооружений подобного типа выявили в подобном сооружении круглодонную тальковую керамику и накладки на сосуды, которые уверенно датируются IV–II вв. до н. э. (Моргунова, Купцов, 2018, с. 26–28). Т. о., во-первых, нужно культурно и хронологически развести сооружения типа липовских с собственно позднесарматскими святилищами, во-вторых, отметить, что впервые позднесарматские святилища были исследованы М.Г. Мошковой в Западном Казахстане (Мошкова, 1984).

Первые памятники кочевников начала нашей эры на территории Актюбинской области, содержащие погребения с северной ориентировкой, деформацией черепов погребенных, с китайским и римским «импортом», были исследованы в 80-х годах XX в. С.Ю. Гуцаловым, материалы работ которого попали в обобщающую монографию С.Г. Боталова (Боталов, 2009, с. 194–205). Интересные материалы из прямоугольного сооружения-

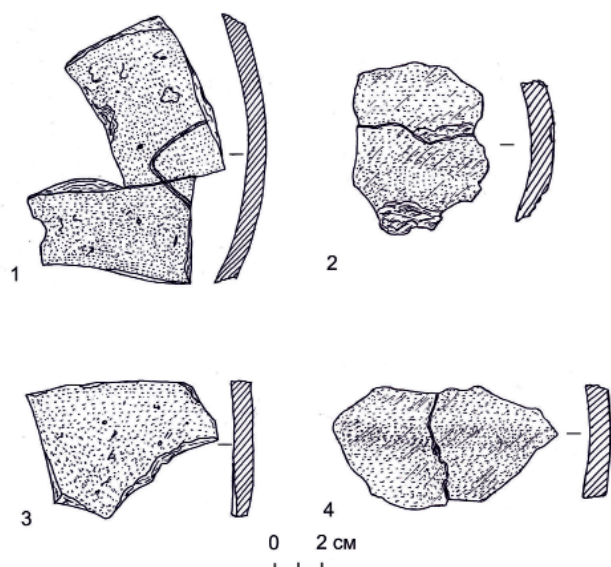

Рис. 6. Моги́льник Акбулак II объект 15 (святилище).
Керамика с площадки святилища. 1-4 – фрагменты
глиняного сосуда

Fig. 6. Akbulak II burial ground object 15 (sanctuary).
Ceramics from the sanctuary square. 1-4 – fragments of a
clay vessel

«святилища» Сарытау I были получены в 1992 году, а именно два бронзовых и один железный колокольчик, были выявлены в одном из «входных» всхолмлений.

Святилища являются редким, но весьма специфическим видом грунтовой архитектуры позднесарматской культуры. В тех случаях, когда они не нарушены норными животными, распахкой, поздними вторжениями или иным антропогенным воздействием, их форма канонична. Они представляют собой квадратные грунтовые сооружения-ограды из расположенных по периметру валов, с внешней стороны отмечаются ровики. Параметры святилищ составляют от 15 до 30 м с внешней стороны и высотой 0,2–0,8 м. Как правило, они ориентированы стенками по сторонам света. Отклонения от строгой ориентировки, вероятнее всего, объясняются сезонностью их сооружения. С южной стороны валы, как правило, имеют разрыв-вход, а сами валы оканчиваются небольшими возвышениями либо лабиринтообразными окончаниями, между которыми и расположен вход. Не каждое святилище содержит погребение. Там же, где они есть, погребения совершены в западной или юго-западной части площадки, под одной из насыпей или «ветвей» ограды. На площадке внутри святилища находятся фрагменты глиняных сосудов (как лепных,

так и импортных гончарных), кости животных, резе угольки и зола. Это свидетельствует о том, что площадка использовалась для проведения определенных ритуалов. Изредка в центре площадки находится грунтовый останец либо площадка из принесенного грунта длиной 4–5 м и шириной около 2 м. Данные сооружения можно трактовать как столы либо алтари для жертвоприношений. Количество святилищ в могильнике зависит от количества других погребальных сооружений. Так, если число курганов не превышает десяти, то святилище обычно одно, с увеличением количества курганов увеличивается и число святилищ. Так, в могильнике Целинный I на 97 курганов (но не все они позднесарматские) приходится семь святилищ (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 98), в мог. Акбулак I на 22 кургана приходится одно святилище, в мог. Акбулак II – девять святилищ на 24 кургана, в мог. Акбулак – девять святилищ на 25 курганов (Дуйсенгали, Мамедов, Баиров, 2018, с. 238). Таким образом, одно святилище приходится 3–12 курганов. Можно предполагать, что в святилище погребался глава семьи (либо святилище было посвящено ему). В таком случае малые могильники были семейными могильниками, а большие могильники – родовыми.

Все позднесарматские святилища Западного Казахстана можно разделить на две группы.

1. Святилища без погребений. Возможно, это святилища-кенотафы в честь сородича, умершего на стороне, либо чисто культовое сооружение (мог. Восточно-Курайлинский, объект 7; мог. Лебедевский, группа V, ограды 1, 2, 12, 24; мог. Сары-Тау, сооружение 12).

2. Святилища с погребениями (мог. Целинный I, сооружение 13; могильник Жайлаусай (Сарытау II); мог. Акбулак II, объект 15).

Т. о., грунтовые ограды позднесарматского времени Западного Казахстана можно трактовать как семейные либо родовые святилища соответствующих групп кочевников. Внутренние «дворики» святилищ сооружались целенаправленно для отправления погребально-поминальных ритуалов не только в честь похороненного в данном сооружении главы семьи/рода, но и похороненных родственников в соседних курганах. Собrania сопровождалось жертвоприношениями и тризнами, для которых использовали грунтовые алтари или столы в центре площадки.

Подводя определенные итоги, можно сказать, что для Западного Казахстана в целом и территории Актюбинской области, в частности памятники II–IV вв. н. э., в результате последних исследований начинают обретать свои ареалы распространения, общие характерные признаки и основные знаковые черты. Сплошные разведки и применение ГИС-технологий, по сути, «подняли» целый пласт памятников в знакомых районах, где ранее виделись в основном объекты сако-сарматского времени. Огромные размеры могильных полей говорят о длительной их эксплуатации, а также о значительном скоплении населения в регионе перед основным походом на запад. Ранее подобный ареал скопления памятников этого времени был выявлен гораздо западнее, в долине реки Жигерлен, на территории соседствующей, Западно-Казахстанской области РК (Боталов, Бисембаев 2002, с. 106–118). Гунно-сарматский период, или эпоха Великого переселения народов, представляет собой очень яркий отрезок истории, с отголосками на значительном удалении. Он имеет широкий территориальный охват (от границ Китая

до Испании) и эпохальный результат – падение Западной Римской империи. Это время привлекает внимание исследователей по всему миру. Планомерные, целенаправленные исследования вкупе с результатами случайных находок прошедшего полевого сезона в Западном Казахстане пополнили этот пласт новыми важными материалами. По раскопанным объектам четко прослеживается тенденция – усложнение обрядовых черт в наземной конструкции, это дополнительное подчеркивание статуса погребенного, так как высота и размеры исследованных объектов были близки. Такую же роль играет и усложнение конструкции могильной ямы. Новые выявленные памятники показали значимость территории Западного Казахстана для выяснения культурогенеза кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов. Активные исследования по Приаральско-Мугалжарскому региону (Актюбинской области) в последние годы позволили получить представительную коллекцию артефактов по вооружению, украшениям, конскому снаряжению и бытовым предметам.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.
- Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н. Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2008. С. 99–101.
- Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н. К вопросу о гуннских погребальных памятниках в Западном Казахстане // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 28–34.
- Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. Природно-географические аспекты локализации памятников раннего железного века и средневековья Западного Казахстана // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры искусств (ВСГАКИ). 2015. № 2 (9). С. 31–35.
- Боталов С.Г. Гунны и тюрки историко-археологическая реконструкция. Челябинск: ООО ЦИКР "Рифей", Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН. 2009, 672 с.
- Боталов С.Г., Бисембаев А.А. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. № 1. С. 108–116.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
- Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М. Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна р. Уил // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие. (19–20 апреля 2018 года) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы – Актюбе: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. С. 237–241.
- Жамбулатов К.А. Погребальный обряд населения Западного Казахстана в позднесарматское время // Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. С. 216–223.
- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.

Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. Кольцевое святилище сарматской культуры у поселка Переволоцкий // Евразийский перекресток. Вып. 9 / сост. В.В. Амелин, Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов. Оренбург: Университет, 2018. С. 19–29.

Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 196–201.

Мошкова М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н. э.: позднесарматская или гунно - сарматская культура (погребальный обряд) // РА. 2007. № 3. С. 103–111.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА. №169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 209–215.

Позднесарматская культура / Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.

Информация об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); abissembaev@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (г. Москва, Россия); старший научный сотрудник, НИУ «Московский энергетический институт» (г. Москва, Россия); arkaim01@yandex.ru

Жамбулатов Кайрат Абаевич, научный сотрудник, Институт археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); kairo_88@inbox.ru

REFERENCES

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly Iuga Evropeiskoi chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. n.e. (The Fibulae from South of the USSR European part)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bisembayev, A. A., Duisengali, M. N. 2009. In Ovsyannikov, V.V. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 8. Ufa: Institute of History, Language and Literature Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 99–101 (in Russian).

Bisembayev, A. A., Duisengali, M. N. 2009. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Series of Social and Human Sciences Series)* 1, 28–34 (in Russian).

Bisembayev, A. A., Akhatov, G. A. 2015. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv (Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture of Arts)* 9 (2), 31–35 (in Russian).

Botalov, S. G. 2009. *Gunny i tyurki istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya (The Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction))*. Cheliabinsk: “Rifean” Publ. (in Russian).

Botalov, S. G., Bisembayev, A. A. 2002. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 108–116 (in Russian).

Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepei (The Huns/Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Cheliabinsk: “Rifei” Publ. (in Russian).

Duisengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M. 2018. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings - 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018))*. Almaty; Aktobe: ZHK “S. T. Zhanadilov Tipografy” Publ., 237–241 (in Russian).

Zhambulatov, K. A. 2021. In Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya – 2021: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Velikaya step' v kontekste etnokul'turnykh issledovaniy», posvyashchennoy 30-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 30-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh.Margulana (Margulan readings–2021: proceedings of the International scientific and practical conference “The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”, dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute)* 3. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 216–223 (in Russian).

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Malashev, V. Yu., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Russia) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L., Kuptsov, E. A. 2018. In Amelin, V. V., Denisov, D. N., Morgunov, K. A. (comp.). *Evrasiyskiy perekrestok (The Eurasian Crossroads)* 9. Orenburg: "Universitet" Publ., 19–29 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1984. In Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 196–201 (in Russian).

Moshkova, M. G. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 103–111 (in Russian).

Smirnov, K. F., Popov, S. A. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 155. Moscow: "Nauka" Publ., 209–215 (in Russian).

Moshkova, M. G. (ed.). 2009. *Pozdnesarmatskaya kul'tura (Late Sarmatian culture)*. Series: Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary monuments of Asian Sarmatia). 4. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bisembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. The Bauman Moscow State Technical University, 2nd Baumanskaya str., 5, Moscow, 105005, Russian Federation; National Research University "Moscow Energy Institute", Krasnokazarmennaya str., 14, p. 1; Lefortovo, 111250, Moscow, Russian Federation; arkaim01@yandex.ru

Zhambulatov Kairat A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; kairo_88@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2024 г.
Статья принята к публикации 01.02.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу